

УДК 1 (091)

Идея Богочеловечества и её историософский смысл

Ю.В. Кузнецов

*Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра социальной работы
и теологии*

Аннотация. Автор на основе историко-философского анализа определяет религиозно-философскую интерпретацию Богочеловечества; анализирует содержание ортодоксальных догматов Боговоплощения, искупления и воскресения и показывает историософский смысл идеи Богочеловечества.

Abstract. The author basing historical and philosophical analysis has determined the religious and philosophical interpretation of Godmanhood. Historiosophical sense of Godmanhood ideas has been shown using contents of orthodox tenets of the Incarnation, redemption and resurrection.

Ключевые слова: христианство, Богочеловечество, Боговоплощения, искупления, воскресения, русская религиозная философия, историософия

Key words: Christianity, Godmanhood (divine-human nature), the Incarnation, redemption, resurrection, Russian religious philosophy, historiosophy

1. Введение

Заслуживает внимания распространенная точка зрения, что христианство хотя и остается религией, но вместе с тем исчерпывает религию как исторический феномен, то есть, фактически, оказывается последней религией из всех возможных. Самую основательную аргументацию представлений о христианстве как о последней религии можно обнаружить у Г.В.Ф. Гегеля, причем не только в его лекциях о философии религии. Христианство приносит с собой идею свободы, а "...свобода есть подлинная сущность духа, и... его действительность. Целые части света, Африка и Восток, не имели этой идеи и не имеют ее до сих пор; греки и римляне, Платон и Аристотель, а также стоики тоже не имели ее... Эта идея пришла в мир благодаря христианству, согласно которому индивидуум как таковой имеет бесконечную ценность, поскольку он является предметом и целью любви бога и тем самым предназначен к тому, чтобы установить к богу как к духу свое абсолютное отношение, дать этому духу поселиться в себе, другими словами, что человек в себе предназначен для высшей свободы" (Гегель, 1977).

Но в той мере, в какой христианство является самой близкой к человеку и его нуждам религией, в той же мере оно содержит в себе и сверхчеловеческое начало, которое фактически и выводит христианство за рамки исторического господства религиозного сознания. Тем самым, сущность христианства в человеческой трансценденции к Богу, в движении человека за пределы своих возможностей, в преодолении изначально данного, в идеи Богочеловека. Христианство открывает человеку путь к новой вечности, неведомой прежним религиям. Оно не только раскрывает перед человеком божественный замысел о судьбе всего творения, но и указывает на особую творческую задачу человека в реализации этого замысла. В прежних религиозных формах деятельность человека была направлена на воспроизводство в обрядах и мистериях определенных архетипов, символизирующих вечность. В христианстве, в религии Богочеловека, человеческое творчество выходит за рамки онтологического воспроизводства и обретает исторический характер. Человек не только воссоздает символизирующие вечность вещи и события, но и принимает самое действенное участие в божественном созидании новой жизни.

Поэтому вполне правомерно говорить о христианстве как о религии Богочеловечества.

2. Богочеловечество в религиозно-философской интерпретации

В той мере, в какой христианство обращено к человеку, понятие Богочеловечества находит свое первоначальное воплощение в представлениях об избранном народе, а затем в учении о Церкви, которая символически соответствует избранному народу, но оставляет в прошлом этнические и расовые привилегии. Но это лишь первоначальное значение этого понятия, исторически первая проекция Богочеловечества. В конечном счете, последнее правомерно определять как новое качество всего творения в целом, и Церковь являет собой эмбриональное состояние нового человечества, преобразующего и себя и весь мир в некое новое, еще неведомое состояние. Впрочем, термин "Богочеловечество" говорит о том, что этим новым состоянием является "Богочеловечность", определяемая, в большей мере, негативно, а не позитивно. Соединение божественного и человеческого отрицает их разделенность и обособленность, и поэтому правомерно выступает как цель и человеческой и божественной истории. Движение к состоянию Богочеловечности – это процесс преодоления

отчужденности человека от Бога и Бога от человека, процесс преодоления внутренней и внешней неродственности человека и божественного творения.

Таким образом, понятие "Богочеловечество" имеет, скорее, не только ортодоксально-догматическую, но и религиозно-философскую интерпретацию. Наиболее полно она раскрыта в философии Вл. Соловьева (1994) и его последователей, двигавшихся в русле софиологии.

3. Догматы Боговоплощения, искупления и воскресения в сущности Богочеловечества

Помимо религиозно-философской интерпретации понятия "Богочеловечество", вполне возможно и его истолкование через содержание догматов Боговоплощения, искупления и воскресения. Возможно также обращение к мифологемам творения, грехопадения и спасения, которые хотя и не являются специфически христианскими представлениями, но играют в христианстве весьма важную роль. В христианстве догматы Боговоплощения, искупления, воскресения раскрываются через конкретные исторические события, через рождество, смерть, воскресение и вознесение Иисуса Христа. Каждое из данных евангельских событий не ограничивается своим буквальным смыслом, но рассматривается как начало сущностных онтологических изменений во всем творении.

Христианство начинается с Боговоплощения, и это событие открывает новую эру космической истории. Если Бог предшествующих христианству религий – это Бог, трансцендентный творению, то в христианстве он, сохраняя в полной мере свою трансцендентность, парадоксальным образом оказывается "не далеко от каждого из нас, ибо мы Им живем и движемся, и существуем" (Деяния, 17, 27-28). Однако, эта имманентность не является возвращением к языческому пантеизму, к тождеству Бога и природы, но предвещает достижение нового, преображенного состояния мироздания. Если в пантеизме обожествляется природа как данность, то в христианстве ставится задача обожествления природы через отрицание ее непосредственной данности, через ее возвышение до божественного. Бог стал человеком, чтобы человек мог стать Богом. Событие Боговоплощения, происшедшее в конкретном историческом и географическом месте, не завершается рождением Христа, но продолжается как процесс рождения Бога в душе каждого уверовавшего человека. Как убежден *Мейстер Экхарт* (1991), ни к чему так не стремится Бог, как вновь и вновь рождаться в человеческом сердце. Рождение Бога в человеке мыслится не только как второе, "духовное рождение" человека, но и как подлинное возрождение самого Бога. Боговоплощение является одновременно и "очеловечиванием" Бога и обожествлением человека. Однако, эти очеловечивание и обожествление мыслятся не как однократно свершившиеся события, а как процесс взаимного сближения. Евангельский рассказ о жизни Иисуса из Назарета следует воспринимать как рассказ не о человеке, а о Боге, ни в коей мере не утрачивающим своего божественного всемогущества и всеведения, но, тем не менее, не уклоняющимся от своего крестного пути. Христианство – религия страдающего Бога, и именно страдание оказывается той точкой, с которой начинается сближение божественного и человеческого.

Но означает ли этот общеизвестный факт, что страдание так и должно остаться единственной точкой такого сближения? Богочеловечность предполагает восстановление творения во всей его полноте, однако в непосредственной данности творения существуют такие компоненты, которые не сотворены Богом и поэтому подлежат уничтожению. Это, прежде всего, грех и смерть. Догмат искупления учит об освобождении всего сотворенного от греха и смерти. Однако, такое освобождение также является не однократным событием, свершившимся раз и навсегда, но процессом, предполагающим, что вслед за Богочеловеком от греха и смерти избавится и Богочеловечество. Характерно, что в христианском богословии вопрос о связи грехопадения и Боговоплощения оказывается весьма сложным и требующим особого диалектического искусства для своего разрешения. Так, например, и Максим Исповедник на Востоке (*Епифанович*, 1996), и Иоанн Дунс Скот на Западе (*Дунс Скот*, 2002) утверждают, что Боговоплощение входило в замысел Создателя с самого начала творения, тогда как о грехопадении этого сказать нельзя. Поэтому искупление нельзя рассматривать как главную цель Боговоплощения, и освобождение от греха не исчерпывает всех возможностей Богочеловечества.

Хотя обратное утверждение широко распространено, тем не менее, неизбежно вытекающие из него следствия дают картину, имеющую очень мало общего с духом христианства. Получается, что сначала Бог возложил на Адама обязанность исполнять заповеди, которые для него, в силу его духовной неразвитости, были заведомо неисполнимы. Затем, пытаясь исправить сложившееся положение, Бог послал своего единственного и невиновного Сына, а тот принес себя в жертву за преступление, которого не совершал. Милосердный Бог принял эту жертву и удовлетворенный страданиями Богочеловека простил виновное человечество. Бог-Сын, вопреки самым исходным христианским представлениям, оказывается объектом такой юридической мистерии, тогда как совершенно ясно, что необходимо признать, что Бог-Сын как абсолютная творческая причина является "виновником" или зачинателем всего. Именно он и создал человека, впоследствии согрешившего, но, несмотря на его грех, продолжал и продолжает любить свое создание. Более того, понятие жертвы имеет содержание, едва ли выразимое в юридических категориях долга и платы. Истинная жертва – это самоограничение Бога,

отказывающегося от своего безграничного всемогущества. Но для того, чтобы победить грех и смерть, Богочеловек должен был пойти на такое самоограничение, так как в его безграничном всемогуществе любые границы немислимы, в том числе и те, что образованы грехопадением.

Следует подчеркнуть, что сама мысль о смерти Бога, бессмертного по своей природе, противоречит нравственному чувству и всем законам логики. Но и Боговоплощение противоречит законам логики, поэтому в христианстве смерть Бога не является единственным противоречием. Евангелия описывают смерть Бога как событие, сопровождающееся природными катаклизмами: "Земля потряслась; и камни расселись; и многие тела усопших святых воскресли" (Евангелие от Матфея, 27, 52); "и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло Солнце" (Евангелие от Луки, 23, 44-45). С. Булгаков утверждает, что смерть Иисуса Христа была самой страшной смертью во всей истории, смертью как таковой (Булгаков, 1991). Но переживание всей глубины ужаса перед смертью Бога парадоксальным образом освобождает христианина от страха перед неизбежностью своей личной физической смерти: "Смысл Христа не заключается ли в Гефсимании и кресте? Т. е. что Он – Собою дал образ человеческого страдания, как бы сказав или указав, или промолчав: – Чадца Мои, – избавить я вас не могу (все-таки не могу! о, как это ужасно): но вот, взглядывая на Меня, вспомяная Меня *здесь*, вы несколько будете утешаться, облегчаться, вам будет легче – что и Я *страдал*. Если так: и он пришел *утешить* в страдании, которого обойти невозможно, победить невозможно, и прежде всего в этом ужасном страдании смерти и ее приближениях... Тогда все объясняется. Тогда Осанна..." (Розанов, 2003).

Искупление имеет явно выраженное историософское значение, так как оно распространяется не только на живых, но и на умерших. Всемогущество Бога не ограничивается временем, и Бог может изменить как будущее, так и прошлое. Вместе с тем, искупление не отменяет самого события грехопадения, хотя и изменяет онтологический статус умерших и грешников. Искупление в христианстве – это универсальное искупление, изменяющее всю историю творения от грехопадения до конца времен. Отцы Церкви именно так понимали догмат искупления: "Невинный и безгрешный Он заплатил за людей весь долг словно Сам был виновен, возвратив их к благодати Царствия и отдав Себя Самого в выкуп и искупление за нас" (Максим Исповедник, 1993); "Единородный Бог, изведший через Себя все к бытию, одно из того, что от Него произошло, т.е. человеческое естество, впадшее в грех и через то подвергшееся истлению смерти, опять через Себя же привлек к бессмертной жизни через человека, в котором вселился, восприяв на Себя целую человеческую природу... Истощается Божество, чтобы могло быть воспринято человеческим естеством; обновляется же человеческое естество, соделываясь божественным через соединение с Божеством" (Нисский, 2009).

Искупление, таким образом, есть совместное "соделывание" человека и Бога, и именно такое понимание начинает играть главную роль в историософских построениях русской религиозной философии XIX-XX столетий.

И Боговоплощение и искупление представляют собой одновременно и событие и процесс. В этом смысле христианство является религией, открывающей перед человеком историческое измерение его существования. Но это не история в современном ее понимании, это, прежде всего, история освобождения человечества, а затем и всего творения, от последствий грехопадения и от власти смерти. Этот процесс обращен и в будущее, к концу времен, и в прошлое. Существующая в христианстве практика молитв о мертвых свидетельствует, что христиане хранят надежду на изменение окончательной участи умерших грешников и связывают это изменение с эсхатологической перспективой всеобщего воскресения.

Как событие и как процесс воспринимается содержание и третьего догмата, догмата воскресения. Представления об умирающих и воскресающих богах были свойственны и дохристианским религиозным формам. Адонис и Осирис – это боги, которые умирают и воскресают, однако, и их смерть и их воскресение лишены человеческого измерения. В христианстве же смерть становится моментом отрицания, переживаемого как нечто существенное. Смерть оказывается "смертью души, которая может тем самым найти себя как негативное в себе и для себя, исключаящее всякое счастье, абсолютно несчастное" (Валь, 2006). Страдание рассматривается в христианстве как испытание человеческой субъективности, как ее обогащение. Смерть выступает как образ негативности разума, то есть, как образ положительной негативности, так как в христианстве рождается и такое понимание смерти (как уничтожения), в рамках которого смерть является негативностью лишь по отношению к негативному, смерть уничтожает лишь то, что само по себе ничтожно. В рамках такого понимания смерть выступает как примирение человека с абсолютным, т.к. отрицая негативное она, тем самым, утверждает абсолютное. Страдание и сопутствующее ему несчастное сознание ведут к сознанию счастья. Не имея чувства возможной утраты жизни, трагического ощущения ее конечности, мы не могли бы осознавать ее ценность и переживать ее глубину. Трагичность смерти дает нам возможность наслаждаться жизнью.

И в этом своем значении смерть и воскресение также оказываются не только событиями, описанными в Евангелиях, но и процессами, преобразующими человеческую природу. Смерть и

воскресение становятся неразрывными категориями, теряющими друг без друга свое истинное значение. Смерть и воскресение также предстают как точки взаимопроникновения божественного и человеческого. Но самое главное в том, что воскресение представляет собой ключевое событие всемирной истории, знаменующее собой качественно новый онтологический процесс, начавшийся в творении. Характерно, что свидетельством воскресения является пустота гробницы. Воскресение соединяет дух и тело и упраздняет противоположность мертвого и живого, делает ее относительной.

Если Боговоплощение преображает мир, приближает его к божественной реальности, если искупление очищает мир от греха и смерти, то воскресение дает нам зримый образ нового состояния Богочеловечности. Это образ восстановления утраченной связи человека с Богом, но, что самое главное, этот образ не символизирует собой возвращение к изначальному райскому состоянию. В христианстве подчеркивается, что воскресение создает новый дух и новую плоть. В этом смысле именно воскресение, рассматриваемое не как однократно свершившееся событие, а исторически, как процесс, знаменует собой начавшийся Боговоплощением процесс созидания качественно нового состояния мироздания. Боговоплощение соответствует усыновлению человека Богом, воскресение – началу усыновления всего человечества.

4. Заключение

Историософский смысл Богочеловечества мыслится в христианстве и в русской религиозно-философской традиции как основное содержание и главная цель исторического процесса воссоединения человека с Богом. Этот процесс не должен противопоставляться жизни отдельного христианина, отдельного индивида вообще. Искупительная смерть Христа представляет собой максимальное приближение божественной реальности к человеческой жизни. Соединившись с человеком в той точке человеческой жизни, которая онтологически резервируется смертью, Бог тем самым приблизил к себе все человечество, так как смерть как ничто другое уравнивает все человечество. Это та общая точка, которая неизбежно присутствует в человеческом существовании, и если она стала причастна божественной реальности, то и все люди, независимо от их индивидуальных особенностей, радикальным образом приблизились к Богу. Но смысл события Боговоплощения остался бы непонятен без догмата воскресения, так как необходимо не только устранить противоположность между жизнью и смертью, но и выйти за ее пределы. Воскресение создает подлинно новую реальность, так как до Христа никто никогда не воскресал окончательно, никто не разрывал бесконечную цепь рождений и смертей. Воскресение открывает человеку возможность теозиса, то есть, обожения. Сущность Боговоплощения в том, что Бог стал человеком, но предназначение этого события заключается уже в том, чтобы человек смог стать Богом. Если в Боговоплощении Бог становится человеком, то в воскресении человек Иисус из Назарета становится Богом. Вместе с Христом человеческая реальность неразрывно связывается и переплетается с реальностью божественной. Перспектива теозиса открывается перед всем человечеством, так как после воскресения в мироздании возникает качественно новая реальность, в которой начинают преодолеваются противоположности между материей и духом, временем и вечностью, универсальным и индивидуальным, творением и Творцом. Наступает эпоха "божественной работы", где на первый план выходит теургия, "искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее. Теургия преодолевает трагедию творчества, направляет творческую энергию на жизнь новую... Теургия есть действие человека совместно с Богом, – богодействие, богочеловеческое творчество" (Бердяев, 1916).

Литература

- Бердяев Н.А. *Смысл творчества. Опыт оправдания человека.* М., Г.А. Леман и С.И. Сахаров, с.101, 1916.
- Булгаков С. *Православие: Очерки учения православной Церкви.* М., Терра, 416 с., 1991.
- Валь Ж. *Несчастное сознание в философии Гегеля.* СПб., Владимир Даль, с.116, 2006.
- Гегель Г.В.Ф. *Философия Духа. Энциклопедия философских наук.* В 3 т. М., Мысль, т.3, с.324, 1977.
- Дунс Скот. *О Первоначале.* В кн.: *Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья).* В 2 т. Под ред. С.С. Неретиной. СПб., РХГИ, т.2, с.298-301, 2002.
- Елифанович С.Л. *Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие.* М., "Мартис", 220 с., 1996.
- Максим Исповедник. *Мистагогия. Творения преподобного Максима Исповедника: Богословские и аскетические трактаты.* Кн. 1. М., "Мартис", с.154-184, 1993.
- Мейстер Экхарт. *Духовные проповеди и рассуждения.* М., *Изд-во политическая литература*, с.257, 1991.
- Нисский Г. *Против Евномия. Кн.V.* В кн.: *Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия.* В 2 т. Под науч. ред. Г.И. Беневича и Д.С. Бирюкова. СПб., "Никея"-РХГА, т.1, с.323-330, 2009.
- Розанов В.В. *Опавшие листья. Короб второй.* М., АСТ, с.218, 2003.
- Соловьев Вл. *Чтения о богочеловечестве.* СПб., "Макет", 414 с., 1994.